

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСВЯЩЕНИЕ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	9
КНИГА ПЕРВАЯ.....	14
КНИГА ВТОРАЯ.....	90
КНИГА ТРЕТЬЯ	189
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.....	268
ПРИМЕЧАНИЯ.....	343

ПОСВЯЩЕНИЕ

Святейшему и блаженнейшему отцу, господину нашему Клименту VII покорнейший слуга Никколо Макьявелли.

Поскольку, блаженнейший и святейший отец, еще до достижения нынешнего своего исключительного положения¹ Ваше святейшество поручили мне изложить деяния флорентийского народа, я со всем прилежанием и уменьем, коими наделили меня природа и жизненный опыт, постарался удовлетворить Ваше желание. В писаниях своих дошел я до времени, когда со смертью Лоренцо Медичи Великолепного² самый лик Италии изменился, и так как последовавшие затем события по величию своему и знаменательности требуют и изложения в духе возвышенном, рассудил, что правильно будет все мною до этого времени написанное объединить в одну книгу и поднести Вашему святейшему блаженству, дабы могли вы начать пользоваться плодами моего труда, плодами, полученными от вами посеянного зерна. Читая эту книгу, вы, Ваше святейшее блаженство, прежде всего увидите, сколь многими бедствиями и под властью сколь

многих государей сопровождалась после упадка Римской империи на Западе изменения в судьбах итальянских государств; увидите, как римский первосвященник³, венецианцы, королевство Неаполитанское и герцогство Миланское первыми достигли державности и могущества в нашей стране; увидите, как отечество ваше, именно благодаря разделению своему избавившись от императорской власти, оставалось разделенным до той поры, когда наконец обрело управление под сенью вашего дома⁴.

Ваше святейшее блаженство особо повелели мне излагать великие деяния ваших предков таким образом, чтобы видно было, насколько я далек от какой бы то ни было лестии. Ибо если вам любо слышать из уст людских искреннюю похвалу, то хваления лживые и искательные никогда не могут быть вам удобными. Но это-то и внушает мне опасение, как бы я, говоря о добросердечии Джованни, мудрости Козимо, гуманности Пьеро, великолепии и предусмотрительности Лоренцо, не заслужил от Вашего святейшества упрёка в несоблюдении ваших указаний. Однако здесь я имею возможность оправдаться как перед вами, так и перед всеми, кому повествование мое не понравилось бы, как не соответствующее действительности. Ибо, обнаружив, что воспоминания тех, кто в разное время писал о ваших предках, полны всяческих похвал, я должен был либо показать их такими, какими увидел, либо замолчать их заслуги, как поступают завистники. Если же за их высокими делами скрывалось

честолюбие, враждебное, по мнению некоторых людей, общему благу, то я, не усмотрев его, не обязан и упоминать о нем. Ибо на протяжении всего моего повествования никогда не было у меня стремления ни прикрыть бесчестное дело благовидной личиной, ни навести тень на похвальное деяние под тем предлогом, будто оно преследовало неблагоприятную цель. Насколько далек я от лести, свидетельствуют все разделы моего повествования, особенно же публичные речи или частные суждения как в прямой, так и в косвенной форме, где в выражениях и во всей повадке говорящего самым определенным образом проявляется его натура. Чего я избегаю — так это бранных слов, ибо достоинство и истинность рассказа от них ничего не выиграют. Всякий, кто без предубеждения отнесется к моим писаниям, может убедиться в моей нелицеприятности, прежде всего отметив, как немного говорю я об отце Вашего святейшества⁵. Причина тому — краткость его жизни, из-за чего он не мог приобрести известности, а я лишен был возможности прославить его. Однако пошли от него дела великие и славные, ибо он стал родителем Вашего святейшества. Заслуга эта перевешивает деяния его предков и принесет ему больше веков славы, чем злосчастная судьба отняла у него годов жизни.

Я во всяком случае, святейший и блаженнейший отец, старался в этом своем повествовании, не приукрашивая истины, угодить всем, но, мо-

жет быть, не угодил никому. Если это так, то не удивляюсь, ибо думаю, что, излагая события своего времени, невозможно не задеть весьма многих. Тем не менее я бодро выступаю в поход в надежде, что, неизменно поддерживаемый и обласканный благодеяниями Вашего блаженства, обрету также помощь и защиту в мощном воинстве вашего святейшего разумения. И потому, вооружившись мужеством и уверенностью, не изменявшими мне доселе в моих писаниях, буду я продолжать свое дело, если только не утрачу жизнь или покровительство Вашего святейшества⁶.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вознамерившись изложить деяния флорентийского народа, совершенные им в своих пределах и вне их, я спервоначалу хотел было начать повествование с 1434 года по христианскому летосчислению, — со времени, когда дом Медичи, благодаря заслугам Козимо и его родителя Джованни, достиг во Флоренции большего влияния, чем какой-либо другой. Ибо я полагал тогда, что мессер⁷ Леонардо Аретино⁸ и мессер Поджо⁹, два выдающихся историка, обстоятельно описали все, что произошло до этого времени. Но затем я внимательно вчитался в их произведения, желая изучить их способ и порядок изложения событий и последовать ему, чтобы заслужить одобрение читателей. И вот обнаружилось, что в изложении войн, которые вела Флоренция с чужеземными государями и народами, они действительно проявили должную обстоятельность, но в отношении гражданских раздоров и внутренних несогласий и последствий того и другого они многое вовсе замолчали, а прочего лишь поверхностно коснулись, так что из этой части их произведений читатели не извлекут ни

пользы, ни удовольствия. Думаю, что так они поступили либо потому, что события эти показались им маловажными и не заслуживающими сохранения в памяти поколений, либо потому, что опасались нанести обиду потомкам тех, кого по ходу повествования им пришлось бы осудить. Таковые причины, — да не прогневаются на меня эти историки, — представляются мне совершенно недостойными великих людей. Ибо если в истории что-либо может понравиться или оказаться поучительным, так это подробное изложение событий, а если какой-либо урок полезен гражданам, управляющим республикой, так это познание обстоятельств, порождающих внутренние раздоры и вражду, дабы граждане эти, умудренные пагубным опытом других, научились сохранять единство. И если примеры того, что происходит в любом государстве, могут нас волновать, то примеры нашей собственной республики задевают нас еще больше и являются еще более назидательными. И если в какой-либо республике имели место примечательные раздоры, то самыми примечательными были флорентийские. Ибо большая часть других государств довольствовались обычно одним каким-либо несогласием, которое, в зависимости от обстоятельств, или содействовало их развитию, или приводило их к гибели; Флоренция же, не довольствуясь одним, породила их множество.

Общеизвестно, что в Риме после изгнания царей возникли раздоры между нобилиями¹⁰ и плебсом¹¹, и не утихали они до самой гибели

Римского государства. Так было и в Афинах, и во всех других процветавших в те времена государствах. Но во Флоренции раздоры возникали сперва среди нобилей, затем между нобилиями и пополанами¹² и, наконец, между пополанами и плебсом. И вдобавок очень часто случалось, что даже среди победивших происходил раскол. Раздоры же эти приводили к таким убийствам, изгнаниям, гибели целых семейств, каких не знавал ни один известный в истории город. На мой взгляд, ничто не свидетельствует о величии нашего города так явно, как раздиравшие его распри, — ведь их было вполне достаточно, чтобы привести к гибели даже самое великое и могущественное государство. А между тем наша Флоренция от них словно только росла и росла. Так велика была доблесть ее граждан, с такой силой духа старались они возвеличить себя и свое отечество, что даже те, кто выживал после всех бедствий, этой своей доблестью больше содействовали славе своей родины, чем сами распри и раздоры могли ей повредить. И нет сомнения, что если бы Флоренции после освобождения от гнета императорской власти¹³ выпало счастье обрести такой образ правления, при котором она сохраняла бы единство, — я даже не знаю, какое государство, современное или древнее, могло бы считаться выше ее: столько бы достигла она в военном деле и в мирных трудах. Ведь известно, что не успела она изгнать своих гибеллинов¹⁴ в таком количестве, что они заполнили всю Тоскану и Ломбардию, как во время войны

с Ареццо и за год до Кампальдино¹⁵, гвельфы в полном согласии с не подвергшимися изгнанию могли набрать во Флоренции тысячу двести тяжеловооруженных воинов и двенадцать тысяч пехотинцев. А позже, в войне против Филиппе Висконти, герцога Миланского, когда флорентийцам в течение пяти лет¹⁶ пришлось действовать не оружием (которого у них тогда не было), а расходовать средства, они истратили три с половиной миллиона флоринов¹⁷; по окончании же войны, недовольные условиями мира и желая показать мощь своего города, они еще принялись осаждать Лукку¹⁸.

Вот поэтому я и не понимаю, почему эти внутренние раздоры недостойны быть изложенными подробно. Если же упоминавшихся славных писателей удерживало опасение нанести ущерб памяти тех, о ком им пришлось бы говорить, то они в этом ошибались и только показали, как мало знают они людское честолюбие, неизменное стремление людей к тому, чтобы имена их предков и их собственные не исчезали из памяти потомства. Не пожелали они и вспомнить, что многие, кому не довелось прославиться каким-либо достойным деянием, старались добиться известности делами бесчестными. Не рассудили они также, что деяния, сами по себе имеющие некое величие, — как, скажем, все дела государственных и политических, — как бы их ни вели, к какому бы исходу они ни приводили, всегда, по-видимому, приносят совершающим их больше чести, чем поношения.

Поразмыслив обо всем этом, я переменяю мнение и решил начать свою историю от начала нашего города. Но отнюдь не имея намерения вторгаться в чужую область, я буду обстоятельно описывать лишь внутренние дела нашего города вплоть до 1434 года, о внешних же событиях буду упоминать лишь постольку, поскольку это окажется необходимым для разумения внутренних. В описании же последующих после 1434 года лет начну подробно излагать и то, и другое. А для того чтобы в этой истории были понятнее все эпохи, которых она касается, я, прежде чем говорить о Флоренции, расскажу о том, каким образом Италия попала под власть тех, кто ею тогда правил.

Все эти первоначальные сведения как об Италии вообще, так и о Флоренции займут первые четыре книги. В первой будут кратко изложены все события, происходившие в Италии после падения Римской империи и до 1434 года. Вторая охватит время от начала Флоренции до войны с папой после изгнания герцога Афинского¹⁹. Третья завершится 1414 годом — смертью короля Неаполитанского Владислава. В четвертой мы дойдем до 1434 года и начиная с этого времени будем подробно описывать все, что происходило во Флоренции и за ее пределами вплоть до наших дней.

КНИГА ПЕРВАЯ

I

Народы, живущие севернее Рейна и Дуная, в областях плодородных и со здоровым климатом, зачастую размножаются так быстро, что избыточному населению приходится покидать родные места и искать себе новые обиталища. Когда какая-нибудь такая область хочет избавиться от чрезмерного количества людей, все ее жители разделяются на три группы так, чтобы каждая состояла из равного числа знатных и незнатных, имущих и неимущих. Затем группа, на которую падет жребий, отправляется искать счастливой доли в иных местах, а две другие, избавившись от избыточного населения, продолжают пользоваться наследием своих предков. Именно эти племена и разрушили Римскую империю, что было облегчено им самими же императорами, которые покинули Рим, свою древнюю столицу, и переехали в Константинополь, тем самым ослабив западную часть империи: теперь они уделяли ей меньше внимания и тем самым предоставили ее на разграбление как своим под-

чиненным, так и своим врагам. И поистине для того, чтобы разрушить такую великую империю, основанную на крови столь доблестных людей, потребна была немалая низость правителей, немалое вероломство подчиненных, немалые сила и упорство внешних захватчиков; таким образом, погубил ее не один какой-либо народ, но объединенные силы нескольких народов.

Первыми выступившими из этих северных стран против империи после кимбров, побежденных Марием, римским гражданином, были вестготы — имя это и на их языке, и на нашем означает «готы западные». После ряда стычек вдоль границ империи они с разрешения императоров на длительное время обосновались на Дунае, и, хотя по разным причинам и в разное время совершали набеги на римские провинции, их все же постоянно сдерживала мощь императорской власти. Последним, одержавшим над ними славную победу, был Феодосий: он настолько подчинил их себе, что они не стали выбирать себе короля, но, вполне удовлетворенные сделанными им пожалованиями, жили под его властью и сражались под его знаменами. Со смертью же Феодосия его сыновья Аркадий и Гонорий унаследовали государство отца, не унаследовав, однако, его доблестей и счастливой судьбы, а с переменой государя переменилось и время. Феодосий поставил во главе каждой из трех частей империи трех управителей — на Востоке Руфина, на Западе Стилихона, а в Африке Гильдона. После кончины государя все трое задумали не просто